

ГЛОССАРИЙ: РОДЫ АЛЬВЕРОВ

РОД ГИПНОТИКОВ:

Мастера иллюзий, черпают силу
в сознательных мыслях

РОД ПРОФЕТИКОВ:

Мастера чувств, черпают силу в зрении,
вкусе и звуке

РОД МЕДИЦКИХ:

Мастера исцеления, черпают силу
в природном исцелении

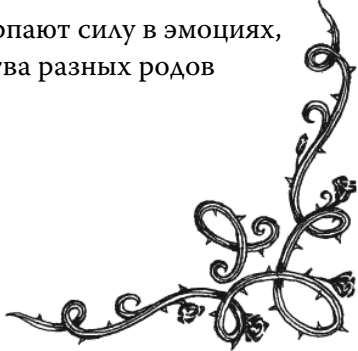

РОД РИФТЕРОВ:

Мастера ломания костей, черпают силу
в реакции на боль

РОД ЭЛИКСИРЩИКОВ:

Мастера алхимии, черпают силу в крови

РОД АНОМАЛЬЩИКОВ:

Мастера неизведанного, черпают силу в эмоциях,
порой сочетают качества разных родов

ПРОШЛОЕ

Бывали ночи, когда бедный мальчик и забытая девочка вслух мечтали о новых жизнях, которые у них будут далеко за морем. О добрых королях и магии богов. Ночи, в которые их никто не преследовал, в которые им не было страшно.

Они рассказывали такие сказки, в которых герои не умирали, а боли не существовало.

В такие вот ночи девочка говорила мальчику, что он храбр и надежен, как ворон, а он говорил, что она — такая же хорошенькая, как роза. Мальчик вырезал их из дерева, ворона и розу, а затем повязал птицу на шею ей, а цветок — себе, и сказал, что всегда будет хранить ее секреты. Всегда.

В такие ночи дети могли быть детьми, а первая любовь — безопасной, доброй и желанной.

Но в тех великих приключениях, историях о любви и далеких королевствах никто никогда не говорил мальчику и девочке, как истории заканчиваются.

Никто никогда не говорил, что коварные люди их разлучат.

Никто не упоминал, что убийца окажется потерянным для той, что держала в руках его сердце.

Или что воровка однажды станет королевой, укрытой тенями.

ГЛАВА

1

ВОРОВКА ПАМЯТИ

Утренний свет согревал мне лицо, но у меня не было желания переворачиваться и встречать новый день.

По правде говоря, у меня не было желания все еще дышать.

Мое тело болело от синяков и ссадин, полученных на Маск ав Аска, но это было ничто по сравнению с медленно горящей агонией, разрывающей мою грудь надвое. Когда шок от того, что на самом деле произошло, спал, — напому, я объявила жалкую войну Черному Дворцу — сама мысль о том, чтобы куда-то идти, стала для меня слишком тяжелой.

Хаген и Гуннар практически приволокли меня в лачугу возле края Колючего Леса, а затем Никлас снабдил меня эликсиром, помогающим уснуть.

Я соскользнула в лишенное снов оцепенение. Клянусь богами, мне хотелось в таком состоянии

и остаться. Утро было слишком жестоким, реальность — слишком суровой.

Я перевернулась на веревочной кушетке. Места хватало для еще одного тела, но его рядом не было. Мое лицо сморщилось. Он должен сейчас мирно спать рядом со мной. Мне стало холодно. Слезы затуманили мой взор, когда я провела ладонью по холщовому одеялу, обнимая пустоту, как будто мои пальцы могли заполнить ее лицом, которое я хотела увидеть, и теплым телом, которое желала прижать к себе.

Кейза захватил Лорд Магнат Ивар.

Никто не сказал мне в точности, что это значило, но не требовалось богатого воображения, чтобы догадаться.

То, как Ханна тихонько плакала, как Эш никому и слова не говорил, уже достаточно мне поведало о том, что Кейза будут пытаться. Его изувечат, и все потому, что он в самый неподходящий момент решил отрастить себе чертово сердце и оттолкнуть нас от опасности.

Он должен был использовать месмер, чтобы побивать стражников.

Джунис уверяла меня, что он не смог бы убить их страхом, если они в тот момент его не боялись. Власть Кейза над страхом была капризной, и я проклинала судьбу за то, что она играет с нами в такие жестокие игры.

В дверь тихо постучали.

— Малин, — голос Тovy был хриплым. Я не сомневалась, что девушка-Крив накануне рыдала, пока не уснула, как я. — Ты не спишь?

— К сожалению, — вот и все, что я смогла пробормотать в ответ.

Щелчок и скрип петель нарушили тишину лачуги. Невесомые шаги Товы прошуршали по половицам. Я закрыла глаза, когда койка прогнулась под весом ее тела и она растянулась на том месте, где я хотела видеть спящего Кейза.

Она перекатилась на бок, лицом ко мне. Яркая зелень ее кошачьих глаз словно остекленела, а белки покраснели.

— Мы сделаем следующий шаг, Мал, — прошептала она. — Мы... мы бьемся до... — ее голос сорвался.

Хорошо. Я не хотела, чтобы она заканчивала клятву Кривов, потому что не могла в этот миг думать ни о каком конце. У Кейза не могло быть конца, не могло.

— Как мне сделать шаг, когда даже нет сил встать? — Я стиснула кулаками потрепанное одеяло и уткнулась носом в его неровную кромку.

Това потянулась поверх моего плеча к небольшой полке возле кровати и достала два флакона. Один помечен красным, второй — черным. Мой пульс участился, когда она принялась рассматривать тот, что был с черным колпачком.

— Ты еще не смотрела?

Я взяла флакон с красным колпачком и прижала его к сердцу, затем мягко высвободила черный флакон из ее руки, качая головой.

— Нет. У меня мысли сейчас о другом.

— Да, я знаю, но вдруг это поможет?

Я посмотрела на флаконы. Два воспоминания в костяной пыли. Одно рассказывало правду о том, что мужчина, которого я люблю, спасал меня еще с тех пор, как был мальчишкой. Второе — последнее воспоминание женщины, кото-

рая рискнула всем, чтобы меня убереечь и спрятать подальше от проклятого бремени крови, текущей в моих венах.

Все эти годы мой отчим, Йенс Штром, держал их при себе. Старался сделать из меня пустое место для всего мира — и для Лорда Магната.

Может, я даже понимала его мотивы. Может, я презирала его. Какая разница? Я и мысли не могла сплести, чтобы она не привела меня обратно к жестокой реальности того, что Кейз — снова пленник Черного Дворца.

Но в словах Товы был смысл. Никто не знал правды о кровных линиях лучше, чем моя мать. Если был хоть малейший шанс, что я смогу больше узнать о своем месмере, и если это как-то могло помочь нам вернуть Кейза, то я когтями себя раздеру, но отыщу волю к жизни. Даже если в итоге окажусь вся в крови и синяках, делая это.

— Ты права, — мой голос был не громче хриплого шепота.

Това приподнялась на локте — темные кудряшки, покрывающие половину ее головы, рассыпались по плечу.

— Не буду мешать тебе смотреть...

— Нет, — я ухватила ее за руку. — Пожалуйста. Останься. Я не хочу быть с этим один на один.

Това облизнула нижнюю губу и кивнула.

Одной рукой сжимая ее, второй я откупорила флакон и наклонила горлышко к своим губам. Пепельная сухость костяной пыли, что была в нем, легла мне на язык. Сделав долгий вдох, я вобрала ее. Кто-то говорил, что я ела воспоминания, но, по правде, я словно вдыхала их в свой организм, пока они не укоренялись в мозгу.

В голове закружил знакомый дым. Фигуры и точки двигались, пока тени не сгустились, пока холод пустоты не сменился теплом огня, мягких одеял и травяного чая.

Мое поле зрения заполнило лицо гораздо более молодого Йенса.

Осознание того, что я смотрю на собственного отчима глазами матери, вызвало волну мурашек, пробежавших по спине. Я крепче вцепилась в пальцы Товы и подождала, пока воспоминание не выплыло из тишины к приглушенным, слабым голосам.

— Когда... когда я уйду к богам, кусочек кости, *герр*. Вот и все, что нужно.

Челюсть Йенса дрогнула. Тогда у него на скуле была вытатуирована всего одна руна, а коса, спускающаяся вдоль головы, была темной, словно красная глина, лежащая глубоко под землей.

— Я прослежу за этим.

Вздых облегчения согрел меня, пролившись из головы прямо в сердце. Моя мать умирала в покое, зная, что Йенс запрет эти воспоминания в прахе. За глазами защипало от какого-то чувства. Пекло, хотела бы я увидеть ее лицо. Рассмотреть и запомнить ее для себя самой.

— Вы... вы сделаете ее невидимой. Убережете ее от... от этого, пока не настанет подходящий... пока оно не позовет ее.

— Пока что не позовет ее? — Йенс наклонился вперед. — Я не знаю, о чем вы говорите.

— Вы слышали... слышали историю о четырех королевах, *герр*?

— Миледи, я не...

— Четыре королевы, избранные судьбой, — моя мать рассмеялась, но смех перешел в кашель. Йенс

тут же помог ей поднести ко рту рог с водой, пока кашель не унялся. С того места, с которого смотрела воспоминание, я различила тонкую руку, тянущуюся к Йенсу.

— Норны... они благословили мир дарами. Жадные люди попытались забрать их... силу. Но сказано, что дары возвратятся. Она... она могла бы стать королевой, *герр*.

— Миледи, я не придаю значения легендам и сказкам. Я знаю то, что реально, — сказал Йенс. — А реальность в том, что ваша девочка — последняя истинная наследница. Чего вы хотите от меня?

В голове за клубился туман. Воспоминание начало блекнуть по мере того, как жизнь моей матери растворялась в Ином мире.

— Уберегите ее, пока... пока оно не позовет ее. Помогите ей восстать.

— Миледи, — на лице Йенса читалось его новое бремя. — Я не знаю, будет ли это когда-либо возможно. Ваш род убивают, их выслеживают. Я уберегу ее от этого. Раскрыть ее — это смертный приговор. Она станет никем.

Моя мать судорожно выдохнула.

— Тени и свет. Вам не кажется, что они... уравновешивают друг друга, *герр*?

— Наверное. Леди Сиг, вам нужно отдыхать.

— Я родила ее в темноте... в темноте и держала. Может, это знак ее судьбы, ибо я вижу, как она восстанет из... тени, — в воспоминании моя мать сделала долгий, дрожащий вдох. — Королева теней, *герр*. Интересно... интересно, почему я вижу их повсюду вокруг нее. Дар от Норн. Шанс... увидеть ее, когда я... сама уже не смогу.

— Вы видите ее в тенях? — прошептал Йенс, беря ее за руку.

— Они следуют за ней.

— Проклятье тьмы?

Мое лицо дрогнуло, когда в воспоминании матери нежная улыбка, пускай и не моя, расплзлась по ее лицу.

— Нет, *gerp*. Тьма будет ее силой, — моя мать зашлась новым приступом кашля. Он был влажным, моих ноздрей коснулась сладкая вонь месмера в крови. Она умирала. Ее голос стал тише, не громче шепота на ветру. — Королева теней. Когда оно... позовет ее... она заберет то, что принадлежит нам. Она должна. Она...

Когда моя мать затихла, Йенс подался вперед.

— Миледи?

Из моего горла вырвался тяжелый вздох, но не мой.

— Она будет жить... выживет с... тенями. Скажите ей, что мы... мы любили ее.

Пепельный дым заполнил мою голову, оплетая тепло комнаты, пока по моей коже не пробежал мороз. Трав и чая больше не было, и воздухом завладели сырые, прокуренные ароматы Колючего Леса.

Я моргала, прогоняя клочки дыма, пока не смогла четко разглядеть лицо Товы. Ее яркие глаза не мигая смотрели в мои.

— Ну?

— Она бредила, но... она все повторяла, что я королева теней и что тьма будет моей силой.

Мне что, на роду написано быть злобным монстром?

Това выгнула одну бровь.

— Ну ладно. С этим позже разберемся, наверное. Что-то еще?

— Она упорно повторяла, что что-то позовет меня, когда придет пора. Она хотела, чтобы Йенс не дал мне умереть, пока не настанет подходящий момент. Какой момент?

Подбородок Товы дрогнул.

— Этого я не скажу, но... что, если она могла *видеть*? Разве не такой был дар у древних мастеров памяти? Они могли видеть то, что еще даже не началось.

— Никлас верит, что видение исходило от кольца, но никто не знает наверняка, могли ли они действительно видеть. В любом случае она скорее верила, будто я для чего-то избрана. Будто она знала, что у судьбы на меня планы. Она все упоминала четырех королев.

Това пожала плечами.

— О королевах есть много мифов и легенд.

— Ни одной не читала.

— Уж явно потому, что Йенс Штром такое от тебя прятал.

Верно. Йенс не разрешал мне читать те же сказки, что Хаген и Бард читали в детстве. Мне оставалось лишь воображать далекие земли на сеновале, вместе с Кейзом.

— Занятно, что она упоминает тени, — продолжила Това. — Потому что если кто и король теней, так это Кейз. Может, это — твоя тропа. Жить вместе с ним в тенях.

Она хваталась за соломинку. Я ее понимала, я и сама себя чувствовала точно так же. Любой намек, дающий нам надежду на то, что боги, Норны или что-нибудь еще направит нас на дорогу, веду-